

Глава 34. Ночь в покоях под пологом из гибискуса

В спальне дворца Юннин служанка погасила успокаивающие благовония. Внутри алого полога из лёгкой вуали затрепетали тени.

Жун Цунцзинь, опустившись на колени на кровати из сандалового дерева, потупил взор и принялся развязывать пояс. Пальцы, обычно такие проворные, медлили. Несколько раз он пытался распустить узел на поясе, расшитом серебряными нитями и узором из орхидей, но безуспешно. Тёплая рука легла на его ладонь, словно вечерний ветерок, коснувшийся усыпанного звёздами ночного неба.

— Давай я, — раздался тихий и нежный голос.

Рука Гу Чжао была уверенной и сильной. Её тепло, будто от зимней грелки, согревало ладонь Жун Цунцзиня. Сердце его вдруг забилось быстрее, дыхание стало прерывистым. Он молча отнял руку, позволяя Гу Чжао распустить пояс.

Казалось, он впервые по-настоящему ощутил себя в брачную ночь рядом с мужем. Гу Чжао был не просто князем Жуй, не мальчишкой, бегающим по двору с банкой для сверчков, — он был его мужем.

Такого опыта у него не было ни в одной из двух жизней. Он никогда бы не позволил никому стать его хозяином, не согласился бы быть чьим-то придатком. Вступить в брак, назвать мужем незнакомца — это всё равно что вручить ему нож, обращённый к собственной груди, дать право распоряжаться его жизнью и смертью. С этого момента ему пришлось бы стать образцовым супругом, полностью отказавшись от себя. Таких отношений он принять не мог.

Но Гу Чжао был другим. С ним он чувствовал уважение, чувствовал, что его любят и ценят. Они были равны. И если этим человеком был Гу Чжао, он был готов попробовать. Жун Цунцзинь поджал губы, и в сердце его затеплилась надежда. Лёгкая рябь на поверхности озера, но она нарушила его покой, заставив смотреть лишь на прекрасное, сосредоточенное лицо любимого, склонившегося над его поясом.

Длинные пальцы Гу Чжао развязали пояс, и верхняя одежда соскользнула вниз. Гу Чжао, словно распаковывая долгожданное сокровище, не позволил ему помочь и сам осторожно снял с него одежды. Лёгкое нижнее бельё мягко опустилось на пол. Кожа, белая и гладкая, как фарфор, отливала жемчужным блеском, а стройные, длинные ноги подчёркивали изящество фигуры. За последнее время он немного похудел, и на животе едва угадывались кубики пресса.

Жун Цунцзинь отвернулся, чувствуя смущение. В мягком свете, проникавшем сквозь вуаль полога, его кожа казалась холодной и белой, как лунный свет или сияние жемчуга.

Гу Чжао одной рукой обхватил его подбородок и легонько коснулся губами его губ. Движение было властным, но голос звучал на удивление мягко.

— Как красиво.

Гу Чжао нежно сцеловал влагу с уголков глаз Жун Цунцзиня.

— Я не люблю, когда ты плачешь, — растерянно проговорил он. — Но сейчас твои слёзы особенно прекрасны.

Мельчайшие капельки, сорвавшиеся с ресниц, увлажнили тёмные, как вороново крыло, волосы у висков, оставив влажный, мерцающий след. Словно тритон, сидящий на рифе, наполовину погружённый в морскую воду, под лучами послеполуденного солнца. Его гладкая, как раковина, чешуя отливала нежным жемчугом.

Обычно он не мог вынести даже малейшей морщинки на его челе, но сейчас в глубине души пробудилось тёмное желание — заставить его плакать, плакать ещё сильнее, ещё... прекраснее.

Гу Чжао невесомо поцеловал его в глаза, словно лёгкий ветерок, тронувший весенний пруд.

— Тш-ш... — Жун Цунцзинь запрокинул голову и своими губами накрыл эти странные речи.

За окном покачивались лотосы, яркий свет дробился на поверхности пруда золотыми искрами. Ветерок доносил свежий, тонкий аромат лотосов, который смешивался с прохладным запахом сливы, создавая головокружительное, дурманящее благоухание. Словно сливовое дерево у ручья, где тающий на вершине горы лёд стекает в реку, и лепестки сливы плывут по прозрачной воде, отражая весенний свет, заливший комнату.

Гу Чжао шалил до самого полудня. Когда искусная шкатулка из чёрного лака, инкрустированная перламутром, опустела наполовину, он, наконец, удовлетворённо обнял своего супруга и притих, лишь изредка целуя его в веки. Эти глаза были самыми прекрасными на свете.

Он всё-таки не хотел, чтобы его супруг плакал. Хотя слёзы и придавали ему особую красоту, но в этом не было нужды. Юноши его возраста были ненасытны в познании плотских утех, и Гу Чжао не был исключением. Но даже от мимолётной нежности, от ласк и шёпота на ухо он чувствовал полное удовлетворение.

— Ваше Высочество, прибыл наследный принц, — тихо произнесла служанка за дверью.

Жун Цунцзинь беспокойно нахмурился во сне. Гу Чжао тут же успокаивающе погладил его по гладкой, изящной спине.

Наскоро накинув верхнюю одежду, он вышел к наследному принцу. Служанка бежала за ним, умоляя:

— Ваше Высочество, оденьтесь!

— Брат, — Гу Чжао, обуваясь, одновременно пытался натянуть сапоги.

— Что за вид! — брови наследного принца дёрнулись, и он с укоризной посмотрел на брата.

— Это мой дворец, — Гу Чжао сел и залпом выпил чай. Служанка не успела подлить новую чашку, и он, недолго думая, взял чашку брата и допил остатки. Усевшись рядом с ним в высокое кресло, он повторил: — Мой дворец.

Другими словами, наследный принц здесь — незванный гость.

Наследный принц с сочувствием посмотрел на него. Поездка в Ичжоу была нелёгкой. По пути он заезжал в Цинчжоу, Цичжоу и другие области, и, хотя не без труда, но всё прошло гладко. Жун Цунцзинь только что вернулся, и наследный принц, беспокоясь, что Гу Чжао остался без присмотра, специально заехал проведать его, узнав, что тот во дворце. А зря беспокоился. Его младший брат, увидев супруга, забыл обо всём на свете.

— Пока меня не было в Ванцзине, тебя никто не обижал? — спросил наследный принц.

Гу Чжао покачал головой.

— А слуги в княжеской резиденции хорошо служат?

— Очень хорошо, — подумав, кивнул Гу Чжао. Когда супруга не было дома, Сяо Лэцзы занимался только им, а на остальное не обращал внимания. Би Тао, оставленная супругом, хоть и была строже, но в резиденции царил порядок, и он чувствовал себя свободнее, чем в императорском дворце.

Гу Чжао то и дело бросал быстрые взгляды в сторону спальни. Он мельком взглянет и тут же отведёт глаза, но через несколько секунд снова не выдерживал и смотрел туда, где оставил своего супруга. Даже просто обнимать его было счастьем.

Наследный принц сдерживался, как мог, но в итоге не выдержал:

— Ты что, и минуты без него прожить не можешь?

— Кто... кто это? — Гу Чжао опустил голову, но уши его предательски покраснели.

Наследный принц лишь развёл руками. Подумать только, в императорской семье Цинь вырос такой романтик. И надо же было такому случиться с Гу Чжао, страдающим слабоумием. Его

супругу, если бы у того были дурные намерения, ничего бы не стоило обмануть его. Хотя сейчас Жун Цунцзинь, возможно, и испытывал к Гу Чжао искренние чувства, но человеческое сердце переменчиво, а Жун Цунцзинь был хитёр и расчётлив. Как тут не беспокоиться?

Чувства — это лишь вишенка на торте. Для принца из императорского рода главное — собственные способности.

Служанки принесли свежий чай. Наследный принц отослал их и, сделав глоток, поставил чашку.

— Раз твой супруг вернулся, оставайся с ним в княжеской резиденции эти несколько месяцев.

Четвёртый брат после ранения стал очень мрачным. Что-то в нём настораживало. Если он нацелится на него, наследного принца, это не страшно, но он боялся, что тот может навредить Гу Чжао.

— Ох, — простодушно кивнул Гу Чжао.

Наследный принц хотел сказать ему многое, но понимал, что тот всё равно не поймёт. Он смягчил свой строгий, пронзительный взгляд и, помолчав, сказал:

— Пока я жив, я буду тебя защищать.

Никто не посмеет обидеть Гу Чжао.

Гу Чжао не любил, когда с ним обращались как с ребёнком, но на этот раз, на удивление, не стал спорить. Он поднял глаза и увидел в коридоре, ведущем из спальни, краешек одежды.

— Цунцзинь! — радостно воскликнул он.

Силуэт на мгновение замер, а затем вышел и, поклонившись, произнёс немного хриплым голосом:

— Ваше Высочество, князь.

— Иди, садись сюда, — Гу Чжао вскочил, усадил Жун Цунцзиня на своё место, пододвинул ему чай и даже принёс с другого стола золотое блюдо с узором из переплетающихся ветвей, наполненное свежими фруктами.

Движения Жун Цунцзиня были немного скованными. Он на мгновение замер, прежде чем сесть, незаметно сменив позу. Скрывая смущение, он взял чашку Гу Чжао и сделал глоток.

Наследный принц, не обделённый жизненным опытом, бросил на него взгляд, задержавшись на покрасневших уголках его влажных, полных неги глаз, и тут же отвёл взгляд, словно ничего не заметив.

Жун Цунцзинь понял, что наследный принц всё разгадал. Как бы он ни убеждал себя, что супружеская близость — дело обычное, но то, что их застали всего через несколько часов, да ещё и во дворце Юннин, вызывало в нём неудержимое смущение. И в этот самый момент Гу Чжао, как назло, ухаживал за ним с таким усердием, что даже фрукты чистил и совал ему в руки, боясь, что наследный принц чего-то не поймёт.

— Князь... — не выдержал Жун Цунцзинь. Голос сорвался, и он сам испугался. Таким нежным, хриплым и полным интимного шёпота он ещё никогда не был. А ведь здесь сидел наследный принц. Длинная, стройная шея Жун Цунцзиня покрылась лёгким румянцем.

— Князь, вам бы следовало сначала переодеться, — сказал Жун Цунцзинь, откладывая фрукт и легонько потянув за криво завязанный пояс Гу Чжао.

— Хорошо, — послушно кивнул Гу Чжао, глядя на него влажными, блестящими глазами, словно преданный пёс, виляющий хвостом перед любимым хозяином. Пройдя полпути, он вернулся и прошептал наследному принцу на ухо: — Брат, не обижай Цунцзиня.

Его супруг такой хрупкий.

Как только Гу Чжао ушёл, в зале воцарилась тишина, нарушаемая лишь лёгким позвякиванием чашки в руках Жун Цунцзиня.

— Дело в Ичжоу ты провернул неплохо, — они сидели по одну сторону чайного столика. Наследный принц с усмешкой посмотрел на него своими глазами-фениксами. — Даже я, если бы поехал лично, вряд ли справился бы лучше.

Ему пришлось бы заботиться о своей репутации, и он, вероятно, не смог бы действовать так же решительно и быстро.

— Благодарю за похвалу, Ваше Высочество, — ровно ответил Жун Цунцзинь.

— Неужели наместник Ичжоу действительно покончил с собой от страха перед наказанием? И всё награбленное пожертвовал казне Цинь? — в голосе наследного принца звучала ирония.

— А господин Люй Цзюйчжэн и вправду столкнулся с разбойниками? Генерал Минвэй славился своим копьём на всём северо-западе, отчего же он вдруг промахнулся? — в тон ему ответил Жун Цунцзинь.

Наследный принц несколько мгновений пристально смотрел на него. Внешность Жун

Цунцзиня не была женственной, лишь глаза — влажные, как лепестки персика, — придавали ему особое очарование. Он намеренно держался скромно, и это заставляло забывать о скрытой в его взгляде смертельной хватке.

— Пей чай, — сказал наследный принц.

— Прошу, Ваше Высочество, — Жун Цунцзинь лично взял нефритовую чашу и налил ему чаю. Всё было ясно без слов.

— Будь у твоего брата хоть треть твоей хватки, он бы сейчас не был простым командиром, — сказал наследный принц, выпив чай и поигрывая тонкостенной, похожей на ледяной нефрит, чашкой. Это была искренняя похвала.

— Сила моего брата не в этих мелочах, — опустил глаза Жун Цунцзинь. — Ваше Высочество понимает, что интриги могут помочь лишь на время. По-настоящему укрепить государство могут лишь мудрый правитель и верные генералы.

Наследный принц промолчал, но в его взгляде появилось одобрение.

Чем умнее человек, тем больше он склонен хитрить. Такие, как Жун Цунцзинь, знающие меру, были редкостью.

— Совершенный муж Юйсюань пользуется большим расположением Его Величества. Что вы намерены предпринять?

— Что? — наследный принц приподнял уголок губ, переспросив.

— Четвёртый принц и достойная наложница Сянь снова в силе. В следующем году, во время плановой инспекции соляных промыслов, они наверняка попытаются вмешаться, — опустив глаза, сказал Жун Цунцзинь. Соль, железо и чай были тремя основными источниками дохода династии Цинь. При предыдущем императоре только доходы от соли составляли несколько миллионов лян в год, сейчас же — не более двух-трёх. Коррупция в соляной отрасли процветала уже давно. Четвёртый принц, потеряв силы, чтобы вернуть доверие императора Цзяньюаня, потратил немало средств. Вероятно, он попытается вернуть часть денег через контроль над соляными и железными промыслами, чтобы подготовиться к непредвиденным обстоятельствам.

— Четвёртый сам роет себе могилу, пусть роет, — они были одного поля ягоды, и наследный принц, решив не тратить время на намёки, холодно усмехнулся.

— Ваше Высочество уже всё решил, я не буду вмешиваться, — тихо сказал Жун Цунцзинь. — Только одно... из казны больше нельзя бесконтрольно брать деньги.

Сейчас их спасало лишь богатое наследие, оставленное предыдущим императором. Но если император Цзяньюань продолжит так тратить, к тому времени, как трон перейдёт к наследному принцу, от казны останутся лишь красивые отчёты. А ведь в прошлой жизни было ещё вторжение тюрков на юг... и огромные военные расходы.

Жун Цунцзинь чувствовал себя рыбаком, отчаянно пытающимся залатать дырявую лодку.

— Хм-м... — кивнул наследный принц.

— Цунцзинь, где мой пояс? — раздался изнутри голос Гу Чжао. — Погоди, а где моё нижнее бельё?

Наследный принц от смущения не знал, что сказать. Жун Цунцзинь, словно ничего не заметив, встал.

— Ваше Высочество, прошу прощения.

С извиняющейся улыбкой, сияющей, как жемчужина, он удалился, и даже наследный принц не мог не признать его несравненной красоты.

<http://bllate.org/book/13698/1588098>